

80899

Кр.

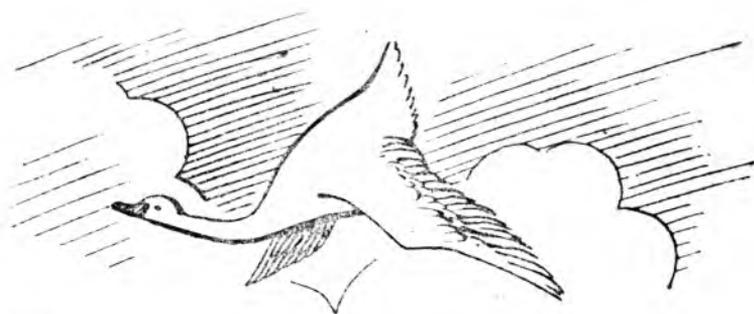
Анатолій Овхон

С К Р А В К И

Иркутск

Анатолий Ольхон

Сказки

ТАЙГИ
И
ТУНДРЫ

ОГИЗ
ИРКУТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1948

СОДЕРЖАНИЕ

1. Младший брат тигра	3
2. Лесной Воробей и Серая Мышь	7
3. Хвастливая лягушка	11
4. Филин-зимовщик	17
5. Длинноногие птицы	21
6. Еврашка	25
7. Ездовой олень	30
8. Тюлень и Морж	35
9. Почему мамонты исчезли?	40
10. О Феде и белом медведе (Новая сказка)	44

МЛАДШИЙ БРАТ ТИГРА

— Бурундука знаете, ребята?

Маленький, желтовато-серенький, на спине полоски. Хвост у бурундука длиннее туловища, будто кисточка мохнатая, тонюсенькая. Всегда этот хвостик шевелится. Да и весь зверёк — расторопный хлопотун. И всегда у него щёки раздуты. Похоже, что зубы болят. На самом деле не так — зубёшки у него крепкие, острые, как стальные иголки. За щеками он добычу таскает, запасец на зиму готовит. Кедровый орешек, семячко из сосновой шишки, кусочек сухого гриба, обрывок вкусной травинки — всё пригодится полосатому бурундуку. Кладовых у него в тайге много.

Под большой валежиной в ямке есть кладовая. В моховой кочке есть кладовая. Под хворостом возле ручья... всех кладовых и не сыщешь. Только хозяин знает, да он вам не покажет. Бережёт свои запасы на голодное время. Смекалист полосатый бурундук.

Некоторые думают, что бурундук трусливый зверюшка. Это не так! Много забот у бурундука и врагов много. Всегда полосатый бурундук настороже. Так и надо! Хищная птица за ним охотится, соболь с горностаем гоняют. Даже маленькая ласка-кровапийца и та бурундуку прохода не даёт. Приходится ему защищаться как умеет. А какая защита у такого крохотного грызуна? Одна полосатая шкурка.

Прильнёт к траве или в сучьях затаится— и не увидишь полосатого бурундука. Лежит себе пёстрая палочка, не шелохнётся. А сердчишко тук-тук, бьётся. Пройдёт опасность мимо, оживёт полосатый бурундук, опять суетится, бегаёт по своим бурундучьим делам.

Шкуркой своей полосатой бурундук гордится. Говорят, он считает себя младшим братом тигра. Вот какой чудак!

У нас, в северной тайге, тигров давно нет. Редко, редко когда с Амура-реки забежит жёлтое пугало, всех наших

зверюг распугает, да под пулей охотничьей и кончит свои разбои.

Все звери амурского тигра издавна боятся. Бурундук не боится. Чего ему бояться, ведь он—младший брат тигра! У него у самого шкурка полосатая.

Правда, у амурского тигра чёрные полосы поперёк спины, а у бурундука вдоль. Ну, этим младший брат тигра не смущается: всё-таки он полосатый. Значит на тигра похож.

Как появились полосы на бурундучьей спинке знаете, ребята? Не знаете? Ну, слушайте.

Раньше у бурундука шкурка была гладкая, желтовато-серенькая, совсем как у летней белки. Белка ему сестрицей двоюродной приходится. Таким родством первый бурундук недоволен был. Что за родня белка—попрыгунья трусливая? Бурундуки себя храбрыми считают. Дедушка нашего бурундука увидал однажды амурского тигра, забежавшего в северную тайгу. Увидал, заскочил тигру на лапу и говорит:

— Тигр, а ведь я на тебя похож, как родной брат. Давай, побратаемся!

Зафыркал тигр. Бурундук показался ему похожим на лесную мышь, а все тигры мышей терпеть не могут. Но бурундук был назойлив. Сидит на тигровой лапе и уговаривает:

— Ну что тебе стоит? Побратаемся! Я про твою славу по всей тайге сказки сказывать стану.

Сказки тигр любил.

— А, что с тобой делать, давай лапу, побратаемся. Лапка у бурундука такая маленькая, что тигр никак не мог её взять в свою лапищу и тихонько погладил вдоль бурундучьей спинки. Кончики когтей у тигра словно лезвия бритвы. Хотя и старался названный брат не обидеть бурундука, а всё-таки содрал ему несколько ленточек кожи со спины. Когда эти царапины заросли, у бурундука стала полосатая шкурка, совсем как у маленького тигра.

Сначала бурундук от боли запищал:

— Что ты наделал? Ты мне спину сломал!

Тигр утешил младшего брата:

— Назвался моим братом, так не плачь. Тигры плакать не умеют, и тебе стыдно. Ты радоваться должен. Теперь у тебя шкура полосатая, и впрямь за моего младшего брата признать могут.

Бурундук вытер слёзы и надул щёки. Усишки бурундучьи, едва заметные, растопорщились.

— А усы у меня на твои похожи?

— И усы похожи!—успокоил младшего брата амурский тигр, хотя даже не разглядел, есть или нет усы у бурундука.

— Мы с тобой теперь всем похожи, оба полосатые звери.

И это верно, оба полосатые. Только у тигра полосы поперёк, а у бурундука вдоль шкуры. Вот и вся разница!

ЛЕСНОЙ ВОРОБЕЙ И СЕРАЯ МЫШЬ

Лесной Воробей — это тот самый воробей, у которого на головке красное пятно. Серая Мышь — это та самая мышь, у которой на грудке, над передними лапками, косточка широкая выпирает. Живут они в тайге, по соседству друг с другом. Часто встречаются, но никогда не здороваются. Делают вид, будто бы они совсем незнакомы.

А ведь когда-то друзьями были, да ещё какими! Вы этого не знаете, ребята? Ну, я расскажу вам, почему они дружбу водить перестали.

Летом однажды встретился Лесной Воробей с Серой Мышью. Встретились у ручейка. Приходили воду поглядеть, себя помыть. Вымылись, напились, стали сушить на солнышке свои шубки.

— Скоро зима, — говорит Лесной Воробей. — У тебя, Серая Мышь, на зиму всё заготовлено? Пищи у тебя много? А то приходи ко мне. У меня на зиму запасец большой, на двоих хватит.

— Ты ко мне зимой приходи, — отвечает Серая Мышь, — я всего наготовила. Я тебя угощать стану. Вдвоём веселее зимой жить.

— Давай лучше так: сначала ты ко мне на половину зимы гостить, а на другую половину зимы я к тебе приду угощаться.

Разговорились они, похвастались друг перед другом своими запасами и решили зимовать вдвоём.

— Будем друг другу сказки всю зиму рассказывать,— говорит Серая Мышь.

— Будем, будем,— отвечает Лесной Воробей, большой любитель сказок.

— А после сказок вкусно кушать станем,— говорит Серая Мышь, большая любительница хорошо покушать.

Много приятных слов друг другу наговорили Лесной Воробей и Серая Мышь. А когда пришла зима, погасло солнце и холодная ночь опустилась в тайгу, стали они жить вместе.

Серая Мышь хотела похвалиться своими запасами и уговорила Лесного Воробья кушать сначала вкусную пищу из её кладовой. Лесной Воробей согласился.

В мышиной кладовой оказались лакомые припасы. Сушёные грибочки сдобные, ягоды вяленые и сушёные, корешки сладкие и кислые, кедровые орешки масляные, травинки душистые.

Первую половину зимы прожили припеваючи. Сказками забавлялись. Песни пели. Плясали на снегу. Пировали каждый день и говорили друг другу приветливые слова.

Прошла половина зимы. Кончились запасы в мышиной кладовой. Перекочевали друзья в кладовую Лесного Воробья. Стал хозяин свою кладовую отпирать. Запахло чем-то свежим, смолистым, вкусным. У Серой Мыши слюнки потекли.

— Вкусно пахнет,— подумала Серая Мышь,— видно у Лесного Воробья запасец на зиму не хуже моего. Хорошо, что я с ним дружбу завела.

Открыл Лесной Воробей свою кладовую, достаёт оттуда крошки сосновой коры вместе со смолой.

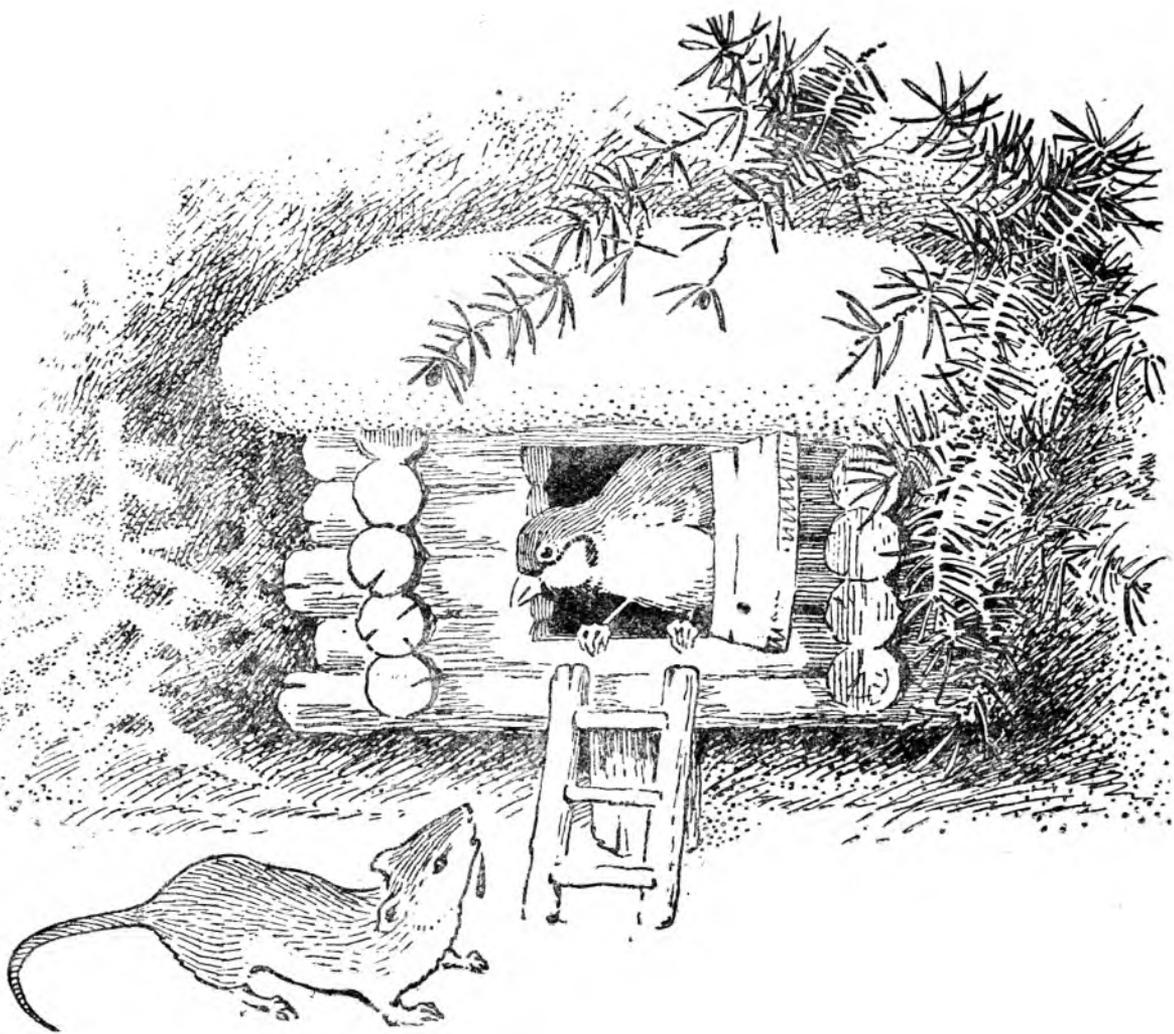
— Кушай, милая гостья, угощайся!

Попробовала Серая Мышь воробьиного лакомства. Крошечку пожевала и головой завертела. Смола у неё в зубах завязала. Стала Серая Мышь отплёвываться, стала хозяина бранить:

— Обманщик ты, мошенник! Чем ты меня кормишь? Кто эту дрянь кушать может?

— Да что ты обижаешься? Зачем ты меня срамишь? — уговаривал Серую Мышь хозяин. — Это лучшая моя пища. Гляди-ка!

Стал Лесной Воробей клювиком сосновую смолу откалывать по кусочку и вместе с корой глотать. Глотает и говорит:

— Эх, и сладко! Эх, и сдобно! Вот, это пища! Зимой вкуснее быть не может. Попробуй ты, уважаемая гостя, попробуй! Ты сначала вкус не поняла.

Попробовала Серая Мышь ещё раз угоститься, выплюнула смолу в снег, совсем рассердилась и закричала на всю тайгу:

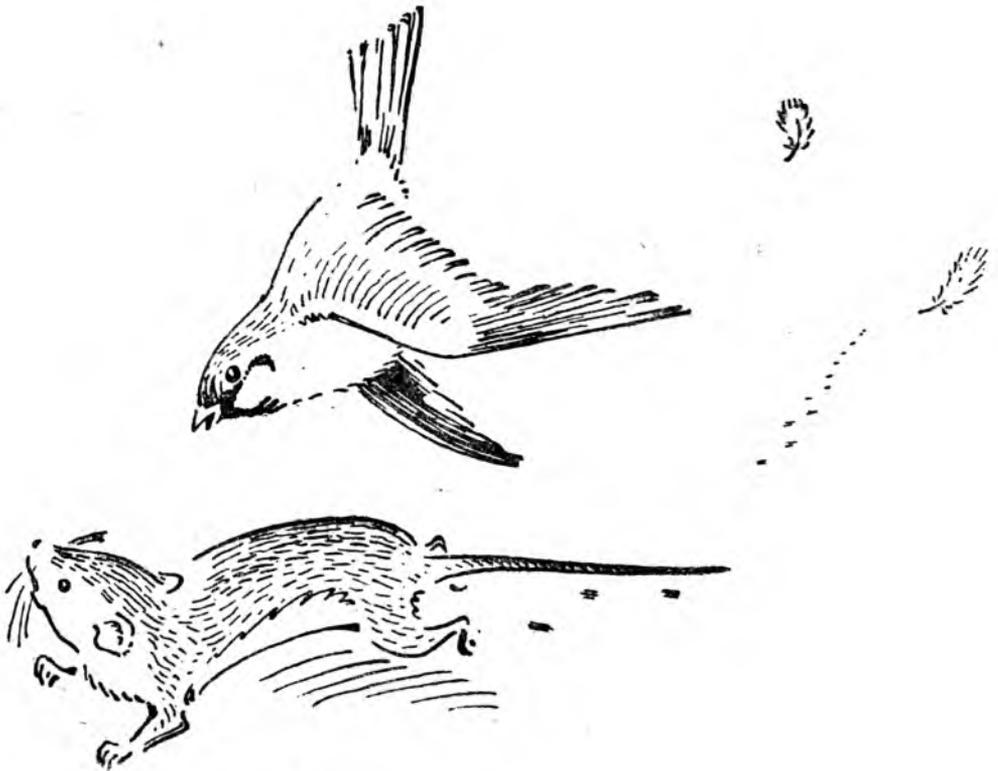
— Корсед несчастный! Мой запас помог прикончить, а меня мёрзлой смолой кормить хочешь. Разве это пища? Ведь мне ползимы голодать теперь придётся. Плут ты, обманщик ты, злодей!

— Обманом я не занимаюсь. Плутом никогда не был, — стал сердиться и Лесной Воробей. — Что сам себе готовил на зиму, тем и тебя кормить хотел. И нечего тебе хвастаться! У тебя была еда хорошая, моя пища не хуже. Вот, смотри, — говорил Лесной Воробей, смолу клювиком щипал и кушал.

Серая Мышь обозлилась, накинулась на воробья драться и прокусила ему головку до крови. Лесной Воробей обороняться стал, переломил Серой Мыши кость-ключицу надвое. Кость у Серой Мыши потом срослась, но широкое утолщение на грудке осталось на всю жизнь. И даже у детей Серой Мыши косточка-ключица расплюснутая, припухшая. А у Лесного Воробья красное кровяное пятнышко на головке, от укуса мышиноного, тоже на всю жизнь осталось. И у детей Лесного Воробья на головках красные пятна. Вы, наверное, сами это видели, ребята.

После драки Лесной Воробей и Серая Мышь не помирились. Живут они всё так же, по соседству, в одной тайге. Частенько приходится им встречаться на лесных дорогах. Встретившись, они не глядят друг на друга. Расходятся молча, как будто никогда знакомы не были. Зимой каждый из них кушает свои запасы и никого уже угощать не зовёт: ни птиц других, ни зверей. Не удалась Лесному Воробью и Серой Мыши дружба. А почему не удалась? Потому, что их дружба только за столом была. За столом, когда хорошо кушают, все дружны. А если угощение плохое, бедное, тогда как?

Тогда-то и увидите: кто ваш друг, кто не ваш друг.

ХВАСТЛИВАЯ ЛЯГУШКА

Лягушки в тундре жить не захотели. Поселились в таёжном болоте и стали считать себя хозяевами тайги. Деревьев они, правда, не видят, в моховых озёрках, в топях гнилых свою жизнь проводят. Но кажется им — в этих топях, в этих болотищах только и можно жить. Что там, за осокой, за кочками?

— Ничего там нет! — думают лягушки. — Конеч болота, конеч света. Что ещё может быть, кроме наших кочек? Не может ничего быть! Какие ещё песни могут быть, кроме нашего кваканья? Уж не птичья ли болтовня?

Так говорили лягушки. А одна, самая хвастливая, вылезла весной на верхушку самой большой кочки, увидела своё отражение в луже стоячей воды и заквакала:

Я лягушка,
Я Ква-Ква!
Обо мне идёт молва.
Я прекрасная девица,
На болоте я царица.
Знает весь болотный свет,
Что меня красивой нет!

Так наквакивала хвастливая лягушка и грела на солнце озябшую спинку и скорченные лапки. Во время долгих северных холодов лягушка спала и простудилась. Голос у неё был хриплый. А ей казалось: такого звучного голоса никогда не слышало родное болото.

Налюбовавшись в луже грязной воды своим видом, лягушка стала ворочать неуклюжей шеей, осматривать своё болотное царство. На кочке, где сидела хвастливая Ква-Ква, рос высокий стебель травы — осоки. Острые рёбра осоки понравились лягушке. Она пощупала их лапкой и обрадовалась:

— Вот эта травина достойна быть моей царской пикой. Острая, гранёная, длинная. С такой пикой мне никто не будет страшен. Храбрости у меня и так много, силы хоть отбавляй. А с этой пикой я буду править всем миром.

Тут лягушка натужилась, обхватила лапками корневище осоки и вырвала его из моховой кочки.

— Какая я могучая, — подумала Ква-Ква, — тяжёлую огромную пику вырвала из земли, как волосок.

Помахивая стеблем осоки, лягушка стала прыгать по кочке и петь свою хвастливую песню.

Я лягушка,
Я Ква-Ква!
Обо мне идёт молва.
Я геройская девица,
На болоте я царица.
Знает весь болотный свет,
Что меня сильнее нет!

Пропев свою песню, лягушка поглядела в лужу и увидела Личинку Стрекозы, похожую на водяного червяка. Личинка плыла мимо кочки.

— Эй, ты, водяная мелочь, ползи из воды сюда! Да побыстрее, а то я проткну тебя пикой.

Личинка Стрекозы испугалась и выползла на кочку.

— Гляди на меня, водяная мелочь. Нравлюсь я тебе?

— Да, да, ты мне очень нравишься! — ответила боязливая Личинка Стрекозы.

— Ну, тогда пиши мой портрет. Пусть все жители болота узнают моё прекрасное лицо!

Личинка Стрекозы не посмела послушаться и на круглом листе болотной кувшинки нацарапала своим рыльцем изображение лягушки. Лягушка долго вглядывалась в свой портрет и потом сказала:

— Водяная мелочь, твоя работа мне кажется неплохой. Признаёшь ли ты меня царицей болотного мира?

— Да, да, признаю! — торопливо ответила трусливая Личинка Стрекозы. — Конечно, ты царица болот, копыеносная повелительница.

— Хорошо, — сказала надуваясь Ква-Ква, — за твоё послушание я назначаю тебя моим секретарём. Приготовься писать то, что я тебе скажу.

Личинка Стрекозы насобирали листиков водяной кувшинки, поправила усики и стала писать то, что ей говорила лягушка. А говорила она вот что:

— Все жители болота! Все, кто ползает, плавает или прыгает! Завтра в полдень явитесь к большой кочке на поклон к повелительнице болотного мира. Тот, кто не придёт, будет проткнут насмерть острой пикой!

На каждом листке этого приказа лягушка, захватив в лапку жидкой грязи, подписалась:

„Царица болотного мира, владеющая гранёной пикой,
Ква-Ква“.

После этого лягушка легла спать. А Личинка Стрекозы стала ползать с кочки на кочку. На каждой большой кочке она вывешивала грозный приказ Ква-Ква.

На другой день, ровно в полдень, собрались все плавающие, ползающие, прыгающие жильцы лягушкиного болота. Здесь были боязливые личинки стрекоз, водяные жучки и пауки, хвостатые головастики, пискливые мухи, комары-толкунны, болотные мошки, слизняки-улитки и моховые черви с козьянками. Оказывается, они только и жили в этом болотце. Лягушка и в самом деле была здесь всех сильнее.

Поднявшись на самую высокую кочку, где висел её портрет, нарисованный Личинкой Стрекозы, лягушка взмахнула пикой и запела:

Я лягушка,
Я Ква-Ква!
Обо мне идёт молва.
Я красивая девица,
Я могучая царица!
Знает весь болотный свет,
Что меня умнее нет!

Кончив песню, лягушка заквакала:

— Поняли все, что умнее меня нет?

— Поняли, поняли — хором запищали, зашептали болотные жители.

— Поняли все, что сильнее меня нет?

— Поняли, поняли!

— Поняли все, что красивее меня нет?

— Да, да, поняли, — отвечали болотные жители.

— Признаёте меня повелительницей мира? — спросила лягушка.

— А знаешь ли ты, что такое мир? — вдруг раздался громкий голос.

Это сказал Серый Гусь. Он пролетал низко над болотом и слышал хвостовство Ква-Ква.

— Что такое мир? — переспросила лягушка. Она нем-

ного испугалась Серого Гуся, но потом решила, что это большой толстый комар, и ответила насмешливо:

— А разве ты не знаешь? Мир — это моё болото. Слушай-ка ты, толстый серый комар, что я тебе спою:

Я лягушка,
Я Ква-Ква!

— Подожди, подожди, — сказал Серый Гусь, — я вижу, что ты только лягушка. Ты мне споешь потом. А сейчас я покажу тебе, что такое мир.

Серый Гусь схватил лягушку лапой за спину и, расправив крылья, поднялся высоко в небо. Лягушка зажмурила глаза. Она выронила свою пику. Стебель осоки покрутился в воздухе и стал падать вниз.

— Смотри, — сказал Серый Гусь, и лягушка открыла глаза.

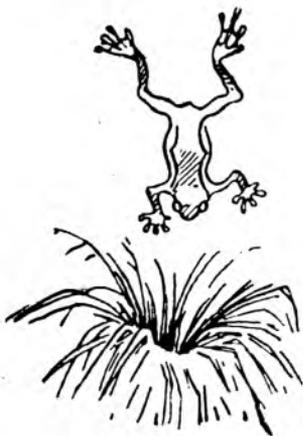
Внизу под нею лежали десятки больших и малых болот, текли быстрые и тихие реки, шумели необъятные леса, дымилась туманом горы. Мир был так огромен, что у лягушки выпучились глаза. Голова её закружилась.

— Я читал на кочке твой приказ. Ты, кажется, считаешь себя царицей всего мира? Сейчас ты ещё видишь не весь мир. Хочешь, я покажу тебе весь мир? Давай, поднимемся повыше, — сказал Серый Гусь. Но перепуганная лягушка, поводя вытаращенными глазами, замахала лапками.

— Нет, нет! Не надо! Ничего не надо. Отпусти меня домой, в болото. Не хочу быть царицей мира. Я пошутила. У меня глаза лопнут, если я ещё буду глядеть в такую ширь. Отпусти меня скорее.

Услышав эти слова, Серый Гусь усмехнулся и выпустил лягушку из своей твёрдой лапы. Долго летела Ква-Ква вниз и наконец шлёпнулась животом прямо на кочку. При падении она сорвала свой портрет, нарисованный Личинкой Стрекозы, и расшибла живот. С тех пор на животе лягушки остались кровавистые пятна от ушиба. На спине лягушки видны следы когтей, которыми Серый Гусь держал её в воздухе. А глаза у Ква-Ква так и остались вытаращенными. Она уже не любит себя, не хвастается ни силой, ни умом. Живёт лягушка трусливо, прячась от всякого шума в гнилой воде или в моховых кочках.

Личинка Стрекозы иногда навещает лягушку, но о том, что было, они вспоминать не любят.

ФИЛИН-ЗИМОВЩИК

Когда-то давно-давно на Крайнем Севере вечное лето стояло. Все птицы жили тогда в наших местах, никуда не улетали. Зачем им улетать было? Круглый год тепло. Круглый год светло. Круглый год сыто.

Потом что-то случилось в мире, холодать стало. Забеспокоились птицы. Задумались: как быть? Не укочевать ли куда на зимнее время?

Слухи были в птичьем племени, что на юге вечное лето останется, а сюда зима придёт будет. Зимы птицы не любят.

Решили они послать на юг кого-нибудь, место там поглядеть — выбрать получше, потеплее. Полетели несколько семейств птичьих на юг, гонцами от всего птичьего племени. Полетели, а обратно не вернулись. Остались на юге, о своём племени забыли бесчестно. Поругали их остальные птицы и впредь уговорились: на поиски новых мест семьями больше никого не отпускать. Пусть летит один глава семьи, а жена и дети здесь остаются со всем крылатым племенем. Стали выбирать, кого послать? Филин сам напросился.

— Я, — говорит, — себя не пожалею, всё осматрю. У меня, — говорит, — глаза зоркие, и в темноте видят. Ежели только на юге есть хорошие, тёплые места — от меня не скроешь. Постараюсь для своего пернатого племени. А жена моя и ребята мои пусть здесь остаются, пусть меня ждут.

Согласились птицы. Филин, как видно, серьёзный семьянин. Круглый, степенный, осанистый, не какая-нибудь замухрышка. В худом замечен не был. Семью свою любит. Как такому не доверить важное дело? Доверили. Улетел Филин.

Много дней прошло. Прилетает Филин обратно. Ночью это было. Птицы на отдых по гнёздам залегли. Не видели, как Филин вернулся. Один Чирок бессонницей болел, он увидел летящего Филина, но никому не сказал, а потихоньку сел на гнилой сучок. Сучок этот торчал над самым гнездом Филина. Сидит Чирок на гнилом сучке и думает:

— Ну, сейчас я раньше всех узнаю, где на юге хорошие, тёплые места есть. Жене своей Филин всё расскажет.

И верно, так и случилось. Вытряс Филин на краю гнезда свои перья. После долгой дороги поужинал. Потом стал будить жену. Жена его спала в гнезде и не слышала, что муж вернулся. Проснулась, спрашивает:

— Ну, что там?

— Был на юге, много мест видел. Везде там тепло, сыто. Только что мне за корысть для других стараться? Я один летал, я один глядел, а все пользоваться будут. Нет уж, этого не будет. Скажу, что и там зима, и там холодно, и там есть нечего. А мы с тобой выберем время, ребят захватим, улетим на лучшие местечки — остальные как хотят.

Чирок, слушая такие речи, не выдержал, замаяхал крыльями. Гнилой сучок под ним обломился, и упал Чирок на землю. Лежит, не движется. Вылез Филин на край гнезда, поглядел кругом — никого нет. Вылезла жена Филина, осмотрелась, увидела — сучка над гнездом нет.

— Да это сучок гнилой упал. Наверно, ты прилетел, шубу вытрясал, доломал.

— Наверно, так, — ответил Филин. — А ты помалкивай, о чём мы с тобой говорили — никто знать не должен.

Ушли они в гнездо спать, а Чирок потихоньку убрался к себе и до утра глаз не сомкнул. Утром узнали птицы, что Филин вернулся. Обрадовались, собрались на сходку. Важный Филин стал о своих странствованиях говорить. Врал бесстыдно, а птицы приуныли.

— Значит и на юге сплошная зима настанёт? И там сесть негде? И там корму нет? — спрашивает Филина Беркут.

— Так, так, — вздыхает Филин. — И там корму нет. И там сплошная зима настанёт. И там сесть негде.

Не выдержал Чирок, выскочил вперёд. И хотя очень он боялся Филина, рассказал о его бесчестном ночном разговоре. Всполошились птицы.

— А чем докажет Чирок, что не клеветает он на меня? — спросил Филин.

— Если мне не верите, поглядите. Сучок гнилой обломился подо мной, когда я ночью у гнезда филинового сидел, — говорит Чирок, — все вы этот сучок знаете.

Птицы все знали этот сучок. Послали Воробья Лесного проверить. Воробей Лесной скорёхонько вернулся. Подтвердил, что сучок сломан. Задумались птицы. Филин видит, что дело плохо. Стал Чирка в клевете обвинять:

— Сучок не под Чирком обломился, а подо мной, когда я усталый с дороги на него сел. Забыл я, что гнилой этот сучок.

Совсем в тупик зашли птицы: кто прав, кто виноват? А главное — как дальше жить? Зима приближается. Порешили птицы Филина до поры до времени в его же гнезде под стражу посадить. Сторожем назначили Чирка. Взяли с обоих честное слово, что драться не будут. Чирку с Филином деваться некуда, пришлось согласиться. Филин поплёлся в гнездо, сел под арест. Чирок внизу, под филиновым гнездом на караул стал. У птиц ещё два дня собрание шумело. Наконец, Беркуту надоело пустые речи слушать, и он закричал:

— Эй, пернатые! Довольно спорить! У меня крылья по сильнее, чем у других. Я полечу на юг, проверю, соврал Филин или нет. Семья моя с вами останется, как уговор был. Вернусь, тогда рассудим, — как быть птичьему племени, обманул нас Филин или Чирок его оклеветал.

Птицы спор прекратили и согласно проводили Беркута в дальнюю дорогу. Улетел Беркут.

Филин в гнезде сидел, думу думал, как ему от беды, от птичьего суда избавиться. Думал и надумал злодейское дело. В тёмную ночь вылетел он из гнезда вместе с женой и с филинятами своими, сбил ударом клюва Чирка и полетел на юг. Чирок, бедняжка, без чувств долго лежал. Когда очнулся Чирок, у птиц снова собрание шло. Лесной Воробей это собрание созвал.

— Долго Беркута нет, — говорит Лесной Воробей, — надо ещё кого-нибудь на юг посылать.

Только начали птицы слушать речь Лесного Воробья, глядь, Чирок является побитый, раненый. Стали было его расспрашивать, а в это время Беркут с юга летит. Не один летит, а впереди себя Филина гонит. Окружили птицы Беркута и Филина. И рассказал Беркут, что сбежавшего Филина он перехватил уже в тайге, на полдороге к югу. А на юге холода нет, и зимовать там можно, мест хороших много, на всех хватит тепла и корму. Обрадовались птицы, поблагодарили Беркута за честность. Филина судить стали. Дали Беркуту первое слово.

— Некогда нам с Филином долго возиться, зима сюда идёт, — сказал Беркут. — Следует Филина за измену, за нападение на Чирка и за тайное бегство жизни лишить.

Не быть бы Филину живому, да Лесной Воробей заступился. По случаю добрых вестей, принесённых Беркутом, предложил Лесной Воробей оставить Филина с женой и с детьми зимовать на Крайнем Севере и в перелёт на юг не пускать. Пусть Филин зимует там, где он хотел, чтобы все зимовали. Птичий суд так и присудил. А чтобы Чирок, по клевете Филина невинно под подозрение попавший, в обиде не был, птичий суд решил: Филина головой Чирку выдать. Пусть Чирок с ним делает, что хочет. Чирок подошёл к Филину и сказал:

— Ты меня оклеветал. Ты не задумался погубить всех пернатых. Ты хотел оставить нас на зиму в ночной темноте, в голоде, в холоде. Зимуй здесь сам. И пусть твои глаза боятся света.

Сказав это, Чирок плюнул Филину в глаза. И теперь Филин боится дневного света, в летнее время плохо видит, а днём совсем как слепой от всех прячется. Стал Филин ночной птицей.

Когда пернатые из тундры на зиму улетают в тёплые страны, Филин летит по ночам за ними следом. Но долетает он лишь до границы тайги. Дальше на юг Филин лететь не смеет. Не смеет потому, что здесь, в таёжных лесах, встретил его когда-то Беркут и погнал назад, на птичий суд. Зимует Филин один-одинёшенек. Терпит холод и голод. И жаловаться ему некуда, и помощи ждать негде.

Кто против своего племени злое затевал — тому прощенья нет!

ДЛИННОНОГИЕ ПТИЦЫ

Стаяли сугробы. Ручьи забулькали в тундре. Между кочек озёрца стоят.

Солнце всё выше и выше поднимается. Не успеешь оглянуться, вечерняя заря с утренней друг друга сменяют. Большой день на Север пришёл. Весна пришла.

И что ни час. новые стаи птиц летят.

Кого тут только нет! Утки — всех пород: кряквы, шилохвости, лысухи, пеганки, нырки, хохлатки. Большие, маленькие и совсем крохотные. Гуси, лебеди — чёрные, серые, белые. Мелкой птицы не перечить. Самая мелочь, как мошки, тучами по тундре порхают. Шумно весной на Крайнем Севере, весело.

Чуть вода спадать станет, поднимают пёстрые головы яркие полярные цветы. Листочки на тундровых деревьях так и топорщатся. Утром посмотришь, почки лопнули, а к вечеру уже красуются ивы в серёжках бархатных. Молодые листки зелёным шёлком поблёскивают.

Шумит ветер. С юга теплом тянет. А с Севера ещё нетнет, да холодком нанесёт. Но прошло студёное время. Солнце своё дело делает. Птицы весну на крыльях несут.

Позже всех в нашу тундру прилетают длинноногие журавли и цапли. На своих сухих ногах, как на ходулях, разгуливают они по болотам чинно, крыльями важно потряхивают. В перелёте устали крылья, намахались. С юга к нам дорога неблизкая.

Отдыхают цапли и журавли на особицу, от других птиц в стороне. Белые журавли, стерхами у нас зовут их, те к самому морю уходят. Серые журавли возле моховых озёр да в болотах останавливаются. Высоко носы свои задирают длинноногие птицы: с мелкими пернатыми знаться не хотят. Даже к родственникам своим на новоселье не ходят. А родни у длинноногих много. Конечно, родня вся с короткими ногами, клювы имеют покороче, сами поскромнее и гордости у них

поменьше. Родней длинноногих себя считают гаги, казарки большие, бакланы пёстрые, кайры-рыболовы. Всё это крупнотельные птицы. Крылья и хвосты у них бывают не хуже, чем у журавлей или цапель. А вот ноги коротковаты.

У дедушек и бабушек наших журавлей и цапель ноги тоже были короткие. В одну давнюю-предавнюю весну с ними беда приключилась.

В те вёсны цапли с журавлями на Север раньше других птиц прилетали. Вот и прилетели первая Цапля и первый Журавль в одну давнюю весну рано-прерано. Прилетели и прямёхонько в моховое болото ужинать спустились. Днём-то было тепло, болото сверху протаяло, а под проталиной лёд. Журавль и Цапля гуляли себе по кочкам, по лужам, ягоды прошлогодние кушали. Покушали и задремали.

Как болотные птицы спят? Знаете? Спят они стоя. На одной ноге стоят — дремлют, и на обеих ногах стоят — дремлют. Голову под крыло прячут. Под крылом, как под одеялом перьяным тепло. Заснули Журавль и Цапля рядышком. А в ту ночь заморозок ударил, ветер „сиверко“ налетел. Замёрзла оттаявшая моховина. Журавль и Цапля под крылья головы засунули, спят — ничего не чувят. Устали в дороге, а поужинали сыто. После еды крепко спалось уставшим птицам. Ноги у них вмёрзли в ледяную кору болота, а они и не заметили. Просыпаются утром — глядь, заморозок! Оледенела тундра, опустела. Мелкая птица, та ещё вечером к лесам улетела. В лесах теплее, ветер туда не пробивается.

Спросонья показалось Журавлю, что он всё лето проспал, и зима пришла. Рванулся Журавль, куда там, не вырвать ноги из ледяной коросты. Цапля тряхнула крыльями, нет, ноги в моховую глыбу крепко вмёрзли — не улетишь.

Запечалились птицы.

— Как же это мы с тобой всё лето проспали? Пропадём теперь, — говорит Цапля. Журавль посильнее был, на себя надеялся:

— Пропадай, если хочешь, а я не стану. Соберусь с силой, вырвусь, полечу!

Стал Журавль крылья расправлять. На него глядя и Цапля ободрилась. Замахали крыльями, затрепыхались. Крылья у обоих сильные, свист пошёл по тундре. Махали они час, махали два. Показалось Журавлю, что он уже взлетать стал.

— Эй, Цапля, я уже взлетать начал!

— И я подниматься начинаю, — отвечает Цапля. А сами всё на том же месте стоят, только ноги у них стали вытягиваться. Большие крылья вверх сильно тянули, вот ноги-то и вытянулись.

Только к вечеру Журавль понял: не подняться ему, не вырваться. Посмотрел на Цаплю и удивился:

— Эй, сестрица, какая ты высокая стала! Перестань крыльями махать, ноги у тебя теперь такие тонкие, оборвёшь пятки, без пальцев останешься.

— У тебя у самого ноги моих не толще. Складывай крылья, а то сам без ступни будешь, коленки на одном сухожилье мотаются.

Хоть не до смеху было птицам, засмеялись они оба. Смешными друг другу сначала показались. В это время щеголюнька-пуночка летела. Взглянула на длинноногих и не сразу узнала:

— Фу ты, какие голенастые! Здравствуйте! Откуда к нам в гости пожаловали?

— А ты куда летишь? — спрашивает Журавль.

— К морю лечу.

— А зачем?

— Как зачем? Зачем весной вы к морю летите. Утром оттепель придёт, гнездо готовить буду.

Пуночка вперёд погоду задолго знает. Умная птичка-малютка. Если тепло завтра придёт, она сегодня всех обрадует. Всем расскажет: завтра, мол, потеплеет, потерпите сегодня.

Журавль и Цапля пуночку узнали, но виду не подали.

— Мы сами знаем, что утром оттепель будет. Раньше тебя мы прилетели,— говорит Журавль. Боялся он, как бы пуночка не догадалась, что у него, у засони, ноги в болото вмёрзли. „Потом вся тундра смеяться будет“ — подумал Журавль и закричал:

— Ну, коротконожка, проваливай себе к морю. Мы с Цаплей здесь заночуем, утром тебя догоним.

Улетела пуночка-щебетунья, так и не поняла в чём дело. Потом крылатым знакомцам ещё рассказывала:

— Журавль с Цаплей важные стали, я не сразу их и узнала. Прилетели нынче в Заполярье раньше всех, успели даже себе ноги отрастить, да какие длинные — глядеть завидно!

Утром примчался тёплый ветер, оттаяли болота. Журавль с Цаплей из своего плена освободились, гнёзда полетели готовить. А чтоб никто расспросами их не беспокоил, да чего доброго не догадался, почему такие ноги длиннущие за одну ночь у них выросли, стали они гнездовать от других птиц на особицу. И дружбу со своей крылатой роднёй водить перестали. Сами в гости не ходят и к себе никого не зовут. Мелкая птица об этом не горюет. В птичьем царстве чванливых не очень любят.

Нынче журавли и цапли, прилетая на Север, высматривают: здесь ли пуночка? Пока её не увидят, на тундру не садятся. Хитрые эти длинноногие. Напрасно о них говорят, что тёплая весна с ними за Полярный Круг приходит. Нет, это щебетунья-пуночка раньше всех знает: когда тёплая пора настанет. Прилётела пуночка, значит гнездовать можно, заморозкам время кончилось. Теперь длинноногие птицы это всегда помнят.

Е В Р А Ш К А

Еврашки у нас в тундре живут, суслики северные. Зверьки небольшие, невзрачные, а весёлые. Любят еврашки возле своих норок на солнце греться.

Как тёплая погодушка на Север придёт, еврашка и спать не может. Радуетса свету и теплу. Радуетса, что трава быстро растёт. Побегает, побегает около норки, станет на задние лапки и давай мордочку чесать. Сам себя прихорашивает, усы себе разглаживает. Потом закусывать начинает. Возьмёт себе в лапки корешок или веточку и хрупаёт. Стоит возле норы на бугорке, кушает, не торопясь. Куда ему, еврашке, спешить? Лето пришло.

Солнце и в полдень и в полночь с неба не уходит. Гуляет солнце, и еврашка гуляет. Стоит на бугорке целыми часами. Заглянет на минутку в свою квартиру подземную и опять на бугорок — на солнышко вылезет. Не спитса еврашке.

Да и с чего ему спать? Длинную тёмную зиму спал почти без просыпу. Выспался. Все бока отлежал. Даже шерсточка стала линять-выпадать. Шубу меняет летом еврашка. Забавляется еврашка. Летом ему раздолье.

Наша тундра летом нарядна. Молодые мхи пестреют. Цветы, словно звёзды яркие, зажигаются повсюду. Леса у нас нет. Деревца в тундре карликовые, крохотные. И все они по земле стелются. Высоко им подниматься нельзя. Ветер здесь сильный, вырвет. Полярные ивы есть — старушки. Такая ива величиной с бутылку, всю с корнями на ладони можно уместить. А, оказывается, такой иве много-много лет.

Поглядите на деревца наши, они хотя маленькие, а всё как у больших. Листья, кора, ствол, ветви, корни. Только всё маленькое. Идёт человек по такому заполярному лесу, будто по невысокой траве. Самые большие кусты вершинами едва до колен достают. Вот какая у нас тундра!

А нашему еврашке стелющийся лес — глухой чащёбой кажется.

— Заблудиться в таком лесу можно, — думает еврашка, и от своей норки далеко уходить боится. Нору еврашка делает подалеже от кустарников. — Кто его знает, какие там звери в этих лесах, — думает еврашка, — попадётся в когти горностаю или ещё кому. Да и птицы хищные там в кустарниках гнездуют. Нет, на ровном месте спокойнее.

Так рассуждает еврашка. Правильно рассуждает. Горностаю острозубый, как молния, в кустах налетит — и смерть еврашке. Сова полярная наскочит — и конец еврашке. Возле норы спокойнее. Вокруг тундра гладкая. С бугорка, от самого входа, далеко всё видно. Спрятаться всегда успеешь. Мелькнула тень в небе — исчез еврашка. Песец крадётся по тундре, увидел его еврашка и кувырком — в свою подземную квартиру. Поди-ка там его найди! Осторожный зверёк наш еврашка. Знает, что он маленький, беззащитный, и живёт как ему положено. В большие звери не лезет. Один раз захотел он стать большим зверем, — не вышло. Смешная история получилась.

В тундре летом, когда небо чистое и света много, бывает так: поглядишь — гора высокая стоит. А на том месте горы быть не должно. Что за чудо? Пойдёшь к этой горе, а она всё меньше да меньше. До самой горы дойдёшь — и становится она простой кочкой. Или смотришь, идёт по тундре великан. Головой в небосвод упирается, ножищи огромные, шагает сразу по версте. Ты удивляешься, а великан к тебе подходит и всё ростом уменьшается. Подойдёт близко, а оказывается, это мальчуган знакомый из тундры топает, за ягодами ходил.

Чуда тут никакого нет. Кто в тундре давно живёт, тот знает. Это у нас воздух летом такой прозрачный, свет такой яркий: низенькая кочка горой покажется, собака — чудовищем, мальчик — великаном. Это только так кажется! Кто долго у

нас живёт, тот, конечно, не обманется. Еврашка как-то забыл об этом и обманулся.

Сидел он на бугорке, возле норы, траву жевал, в тундру глядел.

На другом конце тундры другой бугорок стоял. И там другой еврашка траву жевал, на нашего глядел. Оба еврашки друг друга видели, глаза у них зоркие. Вдруг наш еврашка от удивления подпрыгнул. Увидел он, как второй еврашка у своего бугорка на задние лапки стал и начал расти. Рос на глазах. Сначала он оказался величиной с собаку, потом стал величиной с оленя, потом совсем верзилкой каким-то сделался.

Наш еврашка загляделся и даже перекувыркнулся от удивления.

— Эх, ты! Сосед каким большим зверем сделался. Такого верзилу никто ещё не видал, — подумал наш еврашка. И одолело его любопытство.

— С чего это так вырос сосед? Не иначе нашёл волшебную траву. Видишь, какая у него травина в лапах. Толще бревна. Жуёт он эту траву, оттого и растёт быстро. Пойду-ка я к соседу, попрошу у него взаймы волшебной травы, поем и тоже великим зверем стану.

Подумав так, побежал любопытный еврашка к соседу. Бежит и глядит: опять чудо! Чем ближе наш еврашка подбегает, тем меньше сосед становится. Сначала уменьшился до величины оленя, потом стал ростом с собаку. У нашего еврашки в глазах помутилось. Остановился, протёр себе лапами глаза. Не снится ли ему? Нет, не снится. Уменьшается сосед ростом.

Зажмурил глаза наш еврашка и побежал, не глядя. Стукнулся лбом в соседский бугорок, тогда глаза открыл. Сосед еврашка, совсем такой же, как он сам, глядит на него удивляясь:

— Ты что, друг милый, не заболел ли? Или чудо какое увидел?

Наш еврашка и ответить ничего не мог. Вспомнил он, что летом в тундре глаза обманываться могут. Догадался о своей ошибке и захохотал. Сам себе смешным показался. Обхватил своё брюшко лапками, хохочет, заливается. Рассказал всё соседу.

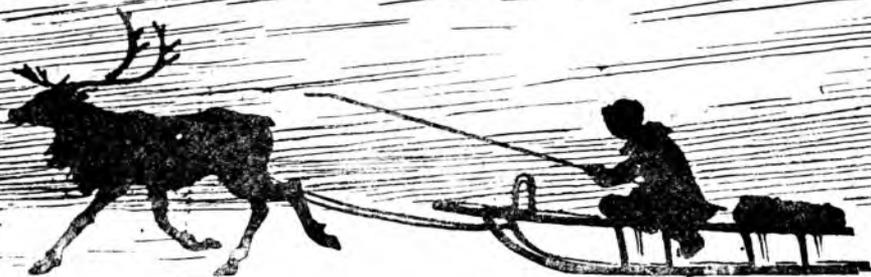
— А я ведь думал, что ты, сосед, волшебную траву нашёл, потому и вырос у меня на глазах. Хотел я этой волшебной травы взаймы попросить, а она ведь у тебя была толще бревна. Как бы я её жевать стал?

— На, возьми, кушай! Расти большой, да ума набирайся побольше, — засмеялся сосед и протянул нашему еврашке

обыкновенный стебелёк осоки. Стали они оба шутить, хохотать. Весёлые зверьки еврашки.

Иногда над своими ошибками и не еврашкам посмеяться можно. Над собой посмеёшься, в другой раз не ошибёшься.

ЕЗДОВОЙ ОЛЕНЬ

Без оленей в тундре жить было бы плохо. Олень — человеку друг! Большая польза от этого друга. Шкуру людям даёт тёплую — для одежды. Мясо вкусное, молоко густое — в пищу даёт. Из рогов оленьих много можно делать домашних вещей: шилья, пуговицы, иголки, ножи, скребки, игрушки разные. Сухие жилы оленьи — и те на пользу идут. Самые крепкие нитки, для кожаной одежды, эти сухожилия.

А как без оленя ездить по тундре? Охотнику-зверобою, рыбаку-промысловнику сегодня — там надо быть, завтра — здесь. Большая земля тундра.

В дорогу с пустыми руками не тронешься. Палатку надо, еду надо, снасть надо. Всё брать с собой надо. Дрова в безлесной тундре и то иной раз с собой возить приходится. Всякое бывает.

Лошади, говорят, на юге есть. Здесь лошадей нет. Кормов в чукотской тундре для лошадей не сыщешь. Да и зима долгая, студёная. Не могут у нас лошади жить. Только в книгах, на картинках, видим мы лошадей. Что у нас делать лошадям? Снег зимой непролазный. Летом болот много. Коням у нас не пройти, не пробежать. А олень везде пройдёт, везде пробежит. И по снегу, и по болоту. Да сам себя в дороге пропитает. Моху много, собирать не надо — олень сам соберёт. Зимой из-под снега копытами мох достанет.

Человеку без оленя в тундре плохо бы жить.

У пастушат, у подростков — свои любимцы есть, ездовые олени. И такие попадаются олени — каждое слово, кажется, понимают. Понятливые наши ездовые быки. Только-только говорить не могут, а человеческую речь понимают. Это вам все

оленоводы скажут. Про ездовых быков в тундре много рассказывают. Вот вам одна сказка.

Первый Человек-Охотник тогда жил. Охотился он не так, как мы сейчас. Ружья у него не было. Вместо ружья лук был тугой, из целого ствола большой полярной ивы сделан. Тетива лука из волоса была сплетена. Не из какого-либо волоса—из человеческого. Сам у себя Первый Человек-Охотник волосы из головы надёргал и тетиву из них скрутил. Густые, крепкие и длинные были у Первого Человека-Охотника волосы. Никогда он не чесал, никогда не подстригал свою гриву. Только на плечи откидывал, да поперёк лба ремешком подвязывал, чтоб в глаза волосы не лезли.

Стрелой Первому Человеку-Охотнику служила сухая тонкая палка с каменным наконечником. Таким оружием Первый Человек-Охотник даже больших зверей убивал, а птиц на лету сшибал. Много приходилось бедовать Первому Человеку-Охотнику. Не всякого зверя стрелой убьёшь. А и убьёшь, так не сразу. Был у Охотника ещё топор каменный, увесистый. Но с тяжёлым топором за зверем гоняться трудно. Охотничье дело известное: на одном месте долго не нахотишь-

ся. Кочевать надо. И кочевал Первый Человек-Охотник пешком. И таскал на себе все свои пожитки.

Осенью, однажды, брёл Первый Человек-Охотник по тундре. Слышит, полярные волки воют, кого-то гонят. Прямо на Охотника гонят. Полярные волки — звери лютые. Большими стаями они не собираются. Но если даже два-три волка подходят, стрелой из лука не отобьёшься. Первый Человек-Охотник это понимал. Положил свои пожитки на камень, топор в руку взял и ждёт.

Видит, бежит ему навстречу Бык-Олень. Запыхался бедный. Два полярных волка его догоняют, а третий вцепился зубами Оленю в хвост и висит.

Да, вы не знаете, тогда у Быка Оленя был длинный пушистый хвост. Вцепившись в этот хвост, полярный волк распластался в воздухе от быстрого оленьего бега, а челюстей не разжимает.

Бык-Олень увидел Человека-Охотника и в отчаянии побежал прямо на него. А Первый Охотник поднял топор, изготовился и ударил волка, висевшего на хвосте Оленя. Так ударил, что лобастая голова напрочь отлетела. Вместе с нею отлетел и обрубленный пушистый хвост Быка-Оленя. Потому теперь у всех оленей есть только пушистый обрубок хвоста.

Остановился Бык-Олень, смотрит на Человека-Охотника. Так смотрит, что в глазах человеческое слово понять можно: — Помоги!

Понял Человек-Охотник, что олени глаза говорили. Понял и защитил Быка-Оленя. Когда два последних волка, ослепнув от ярости, подбежали, Первый Охотник дважды поднял свой топор. Хрустнули волчьи черепа, как скорлупа пустых яиц.

После этого Человек-Охотник взял свои пожитки и пошёл дальше. Не прошёл ещё ста шагов, слышит: Бык-Олень за ним идёт. Остановился Человек-Охотник, обернулся. И Олень остановился. Опять поглядели они друг другу в глаза. Видит Человек, сказать ему что-то хочет Олень. Думал-думал, не понял. Пошёл своей дорогой. Бык-Олень за ним. Охотник на гору, и Олень на гору. Охотник через болото, и Олень через болото. Первый Человек-Охотник в ту пору очень торопился на новое место и больше на Оленя не оглядывался. Так шли они день, шли два. Спали рядом. На третий день дорогу широкая река пересекла. Первый Человек-Охотник все свои пожитки в два кожаных мешка поровну разложил. Подвесил мешки на спину и поплыл через реку. Плывёт и слышит: за спиной у него Бык-Олень фыркает, не отстаёт, тоже плывёт. На середине реки волна была сильная. Устал Первый Человек-Охотник, начал тонуть. Бык-Олень рядом поплыл — спину подставил. Опёрся Человек

одной рукой на спину оленю — плыть стало легче. И пришла в голову Человеку догадка. Отцепил он свои кожаные мешки, перекинул их поперёк спины Быка-Оленя. Тот зафыркал: так, мол, и надо и поплыл вперёд. А Человеку-Охотнику стало совсем легко. Но возле другого берега, от холодной воды, у Человека стало ноги судорогой сводить. Бык-Олень обернулся, глядит, Человек от него отстаёт, захлёбывается. Повернул Бык-Олень обратно, подплыл к Человеку, а у того ноги совсем от холода скрючило. Ухватился Охотник за Оленя, влез ему на спину. Сидит, за рога держится. Бык-Олень быстрёхонько выбрался на другой берег и повёз на себе Человека вместе с его пожитками.

Первый Человек-Охотник понял, какую большую пользу может ему принести Ездовой Олень.

Кожаные мешки со своими пожитками Человек-Охотник переделал на вьючные сумы. А чтоб оленю спину тяжестью своей не повредить, смастерил Человек седло.

Ездовому Быку в дороге к седоку повернуться трудно. Нельзя, значит, увидеть: чего хочет Человек. И сделал Человек поводья. Ездовой Олень повод понимает, чуть тронь. Тронул правый — идёт вправо. Тронул левый — идёт влево. Оба повода ездок потрогал, значит, надо быстрее итти. Натянул ездок поводья — останавливается Ездовой Олень.

Оленевод своего друга всегда понимает. И Ездовой Олень своего хозяина всегда понимает. Не ударит хороший хозяин оленя, не допустит, чтоб Ездовой Бык спину себе повредил. И копыта оленю хороший хозяин в пути бережёт.

Зато и Ездовой Бык не подведёт хозяина.

У нас даже ребята любят, берегут оленей, верных наших друзей.

ТЮЛЕНЬ И МОРЖ

Давно это было, в самую старую старину. Ледяные горы половину земли покрывали. Моря были мелкие, островов много. На островах звери разгуливали. На одном острове жили два брата: Тюлень и Морж. Хозяином острова был самый превеликий зверь. Мамонт его звали. Четыре клыка имел Мамонт, два больших, а рядом два поменьше. Шкура Мамонта была покрыта волосом густым, колючим. Каждый волосок толще стебля морской травы. Толстенные ноги Мамонта, когда он шёл, дробили камни в песок. Самым большим, самым сильным зверем на острове был этот Мамонт, и другие звери его любили и слушались. Потому любили, что хотя и самый сильный, да никого зря не обижал, а в большой голове — большой ум имел.

Тюлень с Моржом сначала дружно жили, братья-как братья. В те давние времена у них у обоих ноги были. По четыре ноги, как у всякого зверя. Тюлень ростом поменьше, Морж побольше. У обоих усы. А клыков у моржа тогда не было. Зато ноги у обоих братьев были проворные, круглые. Быстро бегали эти звери, не хуже оленей.

Выросли братья, стали ссориться. Из-за чего ссорились? Остров большой, за десять дней не обойдёшь, не оббежишь. А им стало казаться тесно. Тюлень говорит:

— Завтра я на этом моховище гулять стану. Ты, Морж, уходи на другое место.

Морж помирнее был, постарше. Что, думает, с младшим братом тягаться, — остров большой...

Уступил Морж Тюленю, побежал на другое мсховище. Нашёл там гладкий синий валун-камень. Лёг на него и лежит. А Тюленю и туда захотелось. Прискакал на круглых ногах, гонит брата:

— Уходи, я здесь, на круглом камне, лежать стану.

И так целый день надоедал моржу. А тот лежал на синем круглом камне, спину грел и только ворчал:

— Оставь ты меня. Не трогай. Что тебе моя лежанка понадобилась? Ищи себе камень-валун, да и ложись.

Видит Тюлень, что брата с высокого синего камня не согнать, сил не хватит, рассердился-раздосадовался. Нагрёб Тюлень кучу острых булыжных камешков и давай в Моржа кидать. Кидал-кидал, да в глаз и угодил. Заслезился глаз у Моржа. Тут Морж и не утерпел. Хотел он Тюленя лапой за уши схватить, а уши тюленьи оборвались. Морж повернулся неловко и упал с камня напрямик на Тюленя. Так упал, что раздавил Тюленю задние ноги и поясницу.

Лишился Тюлень ушей и задних ног. И теперь их у Тюленя нет. Вместо задних ног у него с той поры появились короткие ласты, наподобие рыбьих плавников. Двуногим стал надоедливый забияка. На задние ласты опирается, а передними лапами всё-таки камни кидает. И угодил Моржу во второй глаз. Заслезились у Моржа оба глаза, сразу он стал подслеповатым. Потянулся к Тюленю, хотел камни отнять, чтобы тот больше не бросался. А Тюлень вырывается, передними лапами Моржа хлещет

— Выбьет он мне глаза совсем,—подумал Морж и прижал передние лапы Тюленя к земле. Потихоньку прижал, а сразу раздавил, расплющил. Лишился Тюлень и передних ног. С той поры у него вместо ног обрубки-ласты. Драться Тюленю нечем.

Заревел Тюлень хриплым тонким голосом, пополз к Мамонту жаловаться. Пополз и Моржа зовёт:

— Пойдём, пойдём, Мамонт нас рассудит...

Морж спорить не стал, зашагал потихоньку рядом. Брата-забияку утешает, а сам себе глаза трёт. Запухли глаза у Моржа от ударов камней, которыми Тюлень швырялся. Стали глаза маленькими. С тех пор плохо видит Морж.

Пришли они к пещере, где Мамонт жил-поживал. Пришли поздней ночью. Ветер с моря дует, небо в тучах, луны нету. Едва нашли вход в мамонтову пещеру. Тюлень стал Моржа вперёд гнать:

— Ты меня изувечил, ты и отвечай. Иди, иди к Мамонту, я следом поползу...

Знал хитрый Тюлень, что не любит Мамонт, когда его ночью разбудят. А Морж этого не знал, полез в пещеру, стал

будить Мамонта. Проснулся тот, загремел волосатой шубой, стал вставать. Закачалась земля. Морж испугался, повернулся. Хотел бежать из пещеры, а Тюлень дорогу загородил:

— Куда бежишь? Искалечил меня, теперь отвечай.

Мамонт, услышав чужие речи, поднялся, шагнул вперёд в темноте и наступил нечаянно на поясницу Моржа. Только косточки хрустнули. Повернулся в темноте Мамонт ещё раз и передние лапы Моржу расплющил-раздавил.

Заревел Морж, и Тюлень заревел. А Мамонт затрубил хоботом, огонь из кремня высек, костёр зажёл.

— Что тут такое? Кто пришёл? Зачем будили? Кто мне под ноги полез? Не повредил ли я кого в темноте?

Тюлень вперёд вышел, стал жаловаться. Себя оправдывает, Моржа во всём винит.

Выслушал его Мамонт. Выслушал и потом Моржа спросил:

— Так ли было?

— Так, да не всё так!

Рассказал Морж правду. Себя не выгораживал, Тюленя не обвинял. Задумался Мамонт, поглядел на Тюленя, поглядел на Моржа.

— Всё-таки вы братья, братьями и останетесь. А вместе вам жить нельзя. Моржу я поясницу и ноги отдал. Пусть и у Моржа будут вместо лап обрубки-ласты. Не стану я вас судить. И мирить не стану. Живите порознь. Тесно вам на острове — ступайте в море. Учитесь плавать. Ног у вас нет и не будет. Ластоногим в воде плавать легче, чем по земле ходить. На земле вам делать нечего — в море живите. Вот вам весь мой сказ.

Потом ещё посмотрел Мамонт на Моржа и ещё подумал.

— Перед тобой, Морж, виноват я. Брата своего ты покалечил, защищаясь, а я со-слепу тебя измял в темноте. За мою оплошность — зла на меня не имей. Вот тебе от меня в подарок два клыка, те, что поменьше. Возьми их, они тебе пригодятся.

Вынул Мамонт вторые свои маленькие клыки, которые росли у него рядом с большими, и всунул эти клыки в рот Моржу. А два больших бивня себе оставил.

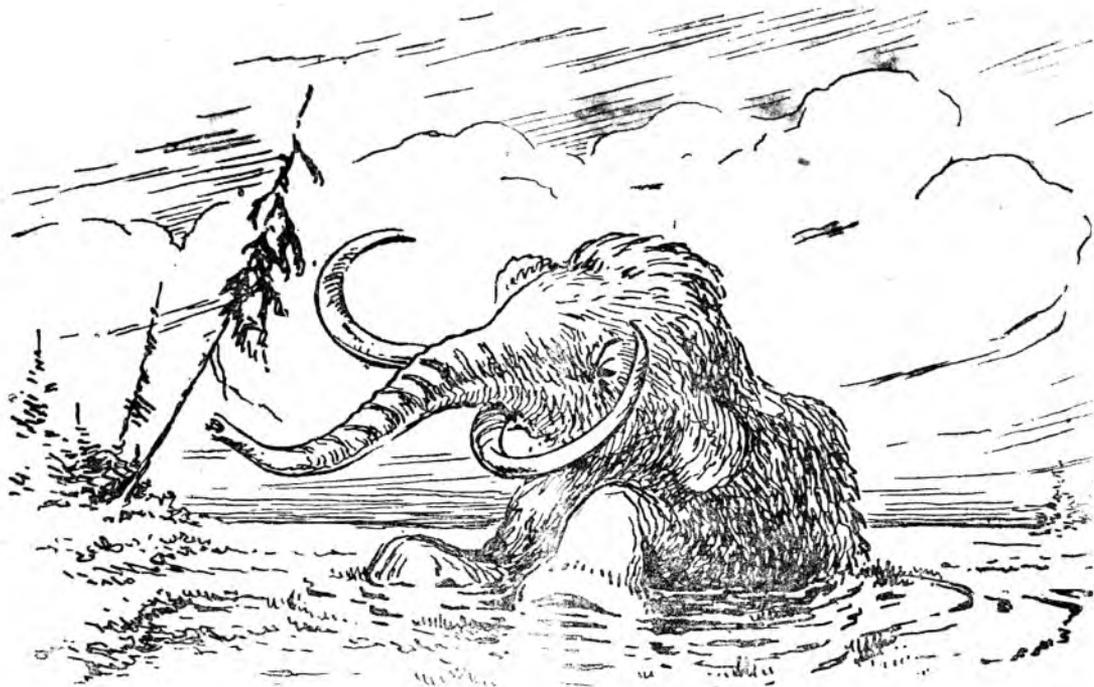
С того самого времени у Мамонта одна пара бивней осталась, а у Моржа острые клыки появились. И хотя Тюлень по виду похож на Моржа, а Морж на Тюленя, стали они разными не только по росту. У Тюленя-забияки одни зубы мелкие, а у терпеливого Моржа два острых клыка над губой торчат. Стал он сильнейшим морским зверем. Только

Морж понапрасну не буйнит, попусту никому не грозит клыками. А ежели себя приходится защищать, тут уж дело другое.

Не дразните Моржа, зря не задевайте, не трогайте. И он вас не тронет, хотя он и самый сильный морской зверь.

Братец Тюлень никогда больше не гуляет возле моржовых лежанок, даже близко не подходит. Понял, видно, что места в мире для всех хватит.

ПОЧЕМУ МАМОНТЫ ИСЧЕЗЛИ?

В тундровых реках, в горных обрывах, в озёрах болотистых много звериных костей лежит. Из-под земли лёд вековой выпирает, земля трясиная пучится — и там кости. И всего больше мамонтовых зубов да бивней. Могучие звери были Мамонты. Говорят, из людей их никто не видал. А, может, и видели, точно неизвестно. Отцы не знают, деды не помнят, от прадедов сказки дошли. Вот вам одна сказка, в чукотском народе её рассказывают.

Когда это было — не спрашивайте. Охотников в те времена на белом свете не было. Первый человек ещё не родился. Только звери одни на Чукотке жили. Такие звери, что сейчас во сне не увидишь. Кости от зверей остались, а тела нету. На эти кости глядя старики сказки сказывают. Древние кости, жёлтые. А цена им большая, в дело идут значит. И сказки старые, такие же. Было или не было, а послушать интересно.

Много было мамонтов на Чукотской земле. Стада ходили. Мох богатый, сладкий. Кустарник пышный, сочный. Пища для мамонтов сытая. Зима тогда была, правда, длиннее, чем сейчас. Холод сильнее. И лёд не всегда на тундре стаи-

вал. Да у мамонтов кожа толстая, шерсть густейшая, жиру под шкурой много. Зимы мамонты не боялись.

Мамонты в те времена были бессмертные звери. Сто лет, двести лет, тысячу лет жили и не умирали. В каждом стаде был мамонт-вожак. А среди всех вожаков был старейший Мамонт-Вожак. Говорят, он был первым мамонтом, родившимся на земле, и жил семь тысяч лет. Шерсть у него седым инеем подёрнулась от старости. Два больших бивня, словно круглые скалы, во рту поднимались. Голова у старейшего мамонта казалась больше самой большой горы. Вот каков был этот Мамонт-Вожак. И ум большой имел.

Когда пришли годы большой воды, лёд стал таять. Затопило тундру. Увёл старейший Мамонт все стада на вершину мира, на Северный Полюс. Там каменные льды не таяли, моху и лишайников тогда много было в этих льдах. Пережили мамонты время большой воды и стали просить старейшего Вожака, чтобы повёл он их на юг. Там, говорят, солнце большое, трава густая мягкая выросла, а здесь мох надел, лишайники жёсткие невкусные. Старейший Мамонт долго уговаривал молодых. Подождать советовал, пока земля попросохнет. Никакие уговоры не помогали. Захотелось зверям из каменных льдов на юг уйти и поставили на своём.

Пригрозили, что уйдут без старейшего Вожака, — пришлось ему согласиться.

Собрались мамонты стадами, стали с вершины мира, с каменных льдов на тундру спускаться.

На пути моря раскинулись. Плавали мамонты хорошо, переплыли они глубокие моря. А как на тундровую землю ступили, начались у них несчастья.

На край земли первым вышел старейший Вожак. Земля была зыбучая, перемешанная с водой и льдом. Не выдержала тундра непомерной тяжести Мамонта-Вожака. Раскрылась пучина тундры, и провалился туда старейший Мамонт, в самую середину земли. Сомкнулось зыбкое болото, остался старейший Вожак в темноте один. До наших времён бродит он под землёй, ищет выхода. И два его бивня колышут тундру, а выхода ему нету. „Кто под землю попал, тот обратно не выйдет“. Такая поговорка есть.

Увидели мамонты, что старейший Вожак под землю провалился, испугались, но обратно не пошли. Стали потихоньку на юг двигаться. Двигались они сплошной стеной — от одного края северной тундры до другого. Недалеко пришлось уйти. Самые тяжёлые — младшие вожаки — стали в зыбуны проваливаться. Жидкая земля в тундре! Чем дальше к югу, тем жиже была она в те времена, не успела просохнуть от большой воды, а лёд уже растаял. Под тяжёлыми тушами младших вожаков проламывались моховые залежи. Затонули младшие вожаки в болотных разливах. Там, где они тонули, нынче стоят круглые озёра. Много было вожаков — много озёр в тундре.

Остальные мамонты без вожаков ум потеряли: бросились кто куда. Одни по речкам побежали, другие на пригорки стали заскакивать, третьи в болота сами полезли. И ни один зверь не мог спастись. Молодая была тогда тундра, не выдержала тяжёлых зверей. Да и время бессмертия мамонтового к концу пришло. Своё время они прожили.

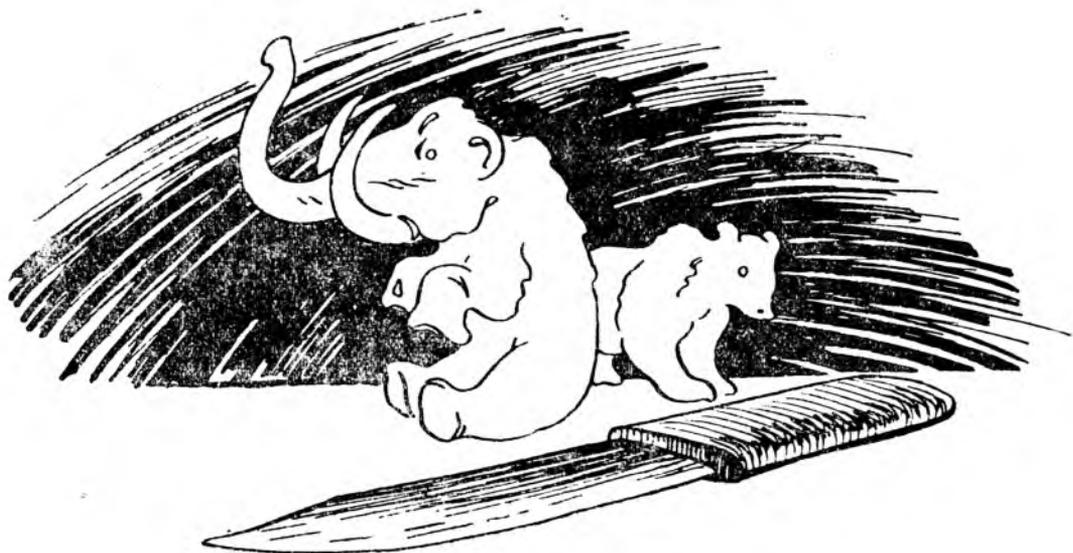
Погибли волосатые, клыкастые звери, не дойдя до южных стран.

Потому-то у нас только на Крайнем Севере кости мамонтовы находят. Везде эти кости есть — и в тундровых речках, и в горных обрывах, и в болотных озёрах. Прадеды эти кости собирали, деды собирали, отцы собирают, мы собираем, а не убывает. Детям и внукам нашим и то всю эту кость не выбрать. Богатство своё костяное после себя мамонты нам оставили.

Самих зверей смерть настигла, а кость бессмертной осталась. Лежит под землёй тысячу лет и побольше, а всё твёрдая, блестящая, красивая. Трубки из неё хорошо делать и другие вещи нарядные вырезать приятно. Радует эта кость глаза человеческие и руку мастера-резчика. В Москве даже ценят мамонтов бивень, и работа косторезов там в почёте.

Пока вы сказку слушали, чукотский мастер-резчик взял обрубок жёлтого бивня, распарил его в горячей воде и простым охотничьим ножом вырезал большого клыкастого зверя, провалившегося в болотную топь. Хобот у зверя поднят вверх, клыки в небо упёрлись и колючая шерсть дыбом встала.

Теперь вы знаете, ребята, почему исчезли мамонты.

О ФЕДЕ И БЕЛОМ МЕДВЕДЕ

(Новая сказка)

ПРИСКАЗКА

На Чукотке так случилось
Много лет тому назад.
На Чукотке так случилось,
Где сейчас тюлени спят,
Где сейчас ночная вьюга,
Снег и ветер.
А в снегу
Медвежата друг за другом
Спотыкаются, бегут.

Там сейчас медвежьи пляски,
Хороводная игра.
Бабки там медвежьи сказки
Медвежатам говорят.
Там сейчас не слышны птицы,
Лишь бегут во все концы
Серебристые лисицы
И проворные песцы.

Там охотники Чукотки
На охоту собрались.

Чистят ружья,
Чинят лодки
И поглядывают ввысь.
Скоро, после долгой ночи,
Выйдет солнце,
Встанет день.
Скоро, после зимней ночи,
К берегам придёт тюлень,
Будет славная охота...

Но сейчас ещё зима,
Звёзд на небе позолота,
Снег кругом и полутьма.
Только белые медведи
У далёких островов,
Только белые медведи
Бродят возле синих льдов
И рассказывают сказки
Медвежатам-шалунам,
И ведут медвежьи пляски
По завьюженным камням.

Видел я медвежью пляску—
Научился сам плясать.
Слышал северную сказку,
Вам хочу её сказать.
Сядьте в ряд,
Глаза закройте,
Слушайте...

Шумит метель:
Это — в Арктике далёкой
Стелют мишкину постель.
Медвежатя бабка это
Снежный пух взбивает там.

ЧУКОТСКИЙ МАЛЬЧИК ФЕДЯ

На Чукотке так случилось,
Где сейчас тюлени спят.
На Чукотке так случилось
Много лет тому назад.

Возле моря ледяного,
В круглой юрте снеговой,
Возле берега крутого
Жил охотник удалой.

У него был мальчик Федя,
Черноглазый молодец,
Шалунишка-непоседа,
Но зато большой храбрец.

Он ходил в оленьей дошке
И в тюленьих сапогах.
Иногда шалил немножко,
А отец его пугал.
Говорил:
— Смотри, сынишка,

Внучек,
Мишка-шалунишка,
Помогает бабке сам.

И когда он спать ляжет,
Носик спрячет между ног,
Бабка сказку ему скажет,
Сказку северных берлог.
Вы глаза закройте тоже,
Через полчаса — в кровать.
Мама скоро спать уложит,
Будем сказку вспоминать.

Возле моря не шали.
Бродит возле моря Мишка,
Ветры в нашем море злы.

Ветер в море может скинуть,
Мишка может опрокинуть,
Подо льдом тебя вода
Дождидается всегда.
Лучше ты играй у дома,
Не ходи по берегам,
Там дорога незнакома.
Далеко не убегай..

Федя слушал и смеялся.
А однажды лыжи взял,
Не спросился,
Не сказался
И на взморье убежал.
Там рычал он по-медвежьи,
Кувыркался на снегу,
Птиц искал на побережье.
А потом — попал в пургу.

ФЕДЮ УНОСИТ В МОРЕ

Загудело,
Налетело,
Треснул лёд береговой.
Море пеной закипело,
Хлынул ветер снеговой.

И на самой тонкой льдине
Федю в море унесло,
В непроглядную пустыню
Федю ветром унесло.

Целый день его качало,
Будто в люльке, по волнам.
Только к вечеру примчало
К неизвестным берегам.

Тёмный остров, каменистый,
Неприветливый и злой,
Камень чёрный, леденистый,
Вьюга вымела метлой.

Бивни — мамонтовы кости —
Желтоватые торчат.
Зубы — мамонтовы кости —
Будто вот-вот застучат.

Феде стало страшновато.
Чёрный камень. Жёлтый клык.
Месяц, вьюгою измятый,
Длинный вытянул язык.

ФЕДЯ НА МЕДВЕЖЬЕМ ОСТРОВЕ

Федя стал искать дорогу,
А дорог-то не видать,
Шёл он, шёл,
Нашёл берлогу.
Видит:
Снежная кровать,
На кровати дремлет сидя
В снег закутанный медведь.
Федю бедного завидя,
Лапой сгрёб
И стал реветь:
— Здесь боятся даже мыши

Ледовитой пустоты;
Как попал сюда, малыш,
Почему не дома ты?

Федя, нос свой вытирая,
Так медведю отвечал:
— Я пришёл сюда играя,
Ветер злой меня примчал,
Через море гнал на льдине
В снеговую кутерьму.
Заблудился я в пустыне,
Вышел к дому твоему.

Что же мне тебя пугаться!
Ты мне лучше помоги
Поскорей домой добаться,
От метели сбереги...
Мой отец большой охотник —
Все соседи говорят.
Разве он когда обидел
Заплуталых медвежат?

Тут медведь оскалил зубы,
Бросил Федю под кровать:
— Ты мне будешь чистить шубы,
Под моей кроватью спать,
Станешь мне взбивать перину,
Будешь слушаться во всём,
Моему меньшому сыну
Будешь нянькою потом...

ФЕДЯ В ПЛЕНУ У МЕДВЕДЯ

Дни проходят вслед за днями,
Вьюги тёмные свистят.
Над холодными камнями
Только ветры шелестят.

Каждый день до поздней ночи
Федя нянчит медвежат.
Дело это трудно очень...
Федя играм их не рад.

Весь в царапинах да в шишках,
Слёзы горькие в глазах.
Тяжело дерутся Мишки,
Коготочками грозят.

Дошку в клочья изодрали,
Сапоги изгрызли все,

Рукавички потеряли.
Оборвался он совсем.

Исхудалый и голодный —
С виду страшно посмотреть.
Каждый вечер в дом холодный
Кличет Федю сам медведь.

Надо вымыть ему спину,
Чистить когти,
Шерсть чесать,
Снеговую стлать перину,
До полуночи не спать.

Так проходят дни за днями,
В небе сполохи дрожат.
За горбатыми камнями
Льды пустынные лежат.

ФЕДЯ ЗНАКОМИТСЯ С ГОЛУБЫМ ПЕСЦОМ

Как-то ночью непогодной
Собирался Федя спать.
Истомлённый и голодный
В угол влез он под кровать.
Слышит:
Кто-то притаился
И тихонечко сопит,
Федя наш остановился.
— Эй, скажи мне, кто тут спит?

— Тише, мальчик! Тише, Федя!
Я пришёл из дальних мест.
Не буди, дружок, медведя—

Или он обоих съест.
Я песец голубошёрстый,
Я бегу от чёрных вьюг.
Камень здесь морозный, чёрствый,
Не гони меня, мой друг.
Нынче я переночую,
У тебя в твоём углу,
А назавтра укочую
В снеговую полумглу...

Федя помнил, как, бывало,
Угощал отец гостей.
Разостлал он одеяло,

Предложил песцу костей —
Все объедки от медведя —
Весь свой ужин поделил.
— Ну спасибо, добрый Федя, —
Так песец проговорил, —
Долго, долго сытым буду,
До Чукотки добегу.
И тебя не позабуду.
Чем тебе я помогу?

Унести тебя?
Не в силах!
Сам за мной не побежишь.
Страшен путь в морях застылых.
Как помочь тебе, малыш?

Феде вспомнился Папанин,
Славной Родины герой.
Каждый мальчик-северянин
Помнит образ дорогой.

— Вот бы кто меня избавил!
Он бы мне сейчас помог!
Он меня бы не оставил
Погибать среди берлог...
Добеги, песец летучий,

До Папанина скорей.
Он весёлый и могучий,
Гордость северных морей.

— Ледовые океаны,
Рыбы, звери и киты,
В небе — вьюги и туманы,
В тундре — камни и цветы —
Всё на Севере покорно,
Всё послушное ему.

Он весёлый и упорный,
Верный слову своему.
Он на полюсе хозяин,
Он на Севере хозяин,
Он в народной песне славен.
Пусть спасёт меня Папанин!..

— Знаю я! —
Песец ответил —
Сам Папанина люблю,
Я ему дорожку метил,
Путь к стальному кораблю...

— Ну, не ври!
— Да, в самом деле!
И зачем я буду врать:

Много нас, песцов, глядело,
Как пришёл он зимовать.
Нам знаком Иван Димитрич.
Уважаем, любим мы!
Знаем,
Наш Иван Димитрич
Победитель злой зимы.

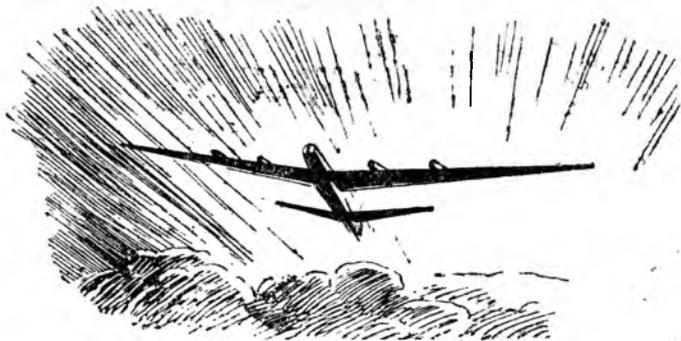
Я и спать теперь не буду,
Побегу сейчас на юг.

Верь мне, просьбу не забуду,
Передам её, мой друг..
Тут песец усы расправил,
Феде щёки облизал,
Кость с собой в дорогу взял,
Но потом её оставил,
Отряхнулся и в галоп
Побежал через сугроб.

ПАПАНИН СПАСАЕТ ФЕДЮ

В полдень солнышко впервые
Поднялось за край земли;
Словно кисти золотые
Над морями зацвели.
Льды заискрились в рассвете,
Стали розовы снега.
В первом утреннем приветe
Просияли берега.

Вышли взрослые медведи
Вдоль приморской полосы.
Медвежата возле Феди
К небу подняли носы.
Вместе с солнцем в синей выси

Появился самолёт.
Как сверкающая искра
Опустился он на лёд.

Зашушукались медведи,
Пригорюнились, стоят.
— Смирно вы! — сказал им Федя.
Встали смирно Мишки в ряд.

Из кабины вышел просто
Невысокий человек.
Поглядел на дикий остров,
Трубку выколотил в снег.

— Ох! — сказали все медведи.
— Сам Папанин! Ну, беда..

— Что случилось здесь, соседи?
Как попал малыш сюда?
— Здравствуйте, Иван Димитрич, —
Пробасил большой медведь, —
— Мальчик здесь, Иван Димитрич,
Вот, извольте посмотреть.
— Вижу, вижу! Понимаю!
Так Папанин произнёс, —
— Никого не одобряю.
Береги, Топтыгин, нос..
Щёлкнул по носу медведя:
— Ты смотри, порядок знай!
Ну, а ты, браток мой Федя,

Марш в кабину, не зевай,
Мы с тобою потолкуем,
Чтоб послушней был вперёд..

Федя, плача и ликуя,
Побежал на самолёт.
А оттуда, из окошка
Чудо видел наяву:

Сам медведь в большом лукошке
Вынес снежную халву.

Речь сказал,
Слезинку пролил,
Поднял ледяной поднос
И с халвой его поднёс
Вместо русской хлеба-соли.

ПРИСКАЗКА

На Чукотке так случилось,
Где сейчас тюлени спят.
На Чукотке так случилось —
Наши сказки говорят.

Федя нынче первогодник,
Не шалит уже как встарь,
Смелый маленький охотник
Изучает он букварь.

Полон школьною заботой,
Помогает он другим,
Он мечтает стать пилотом
И, наверно, будет им.

Путь ему открыт широкий,
Путь широк для всех ребят,
Даже в Арктике далёкой,
Где полгода снегопад.

Если встретится вам Федя,
Вы проверьте мой рассказ.
Правда, жил он у медведя
И его Папанин спас.

А когда они летели
Над пустынями морей,
Всю халву в лукошке съели,
Весь подарок от зверей.

А халва была какая!
Снег с морошкой пополам...
Здесь такой и не бывает,
Приезжайте в гости к нам.

Угостим вас,
Сказку скажем.
Познакомим с Федей вас,
Голубых песцов покажем
И проверим наш рассказ.

